

АЛЛЕГОРИЯ, АЛЛЕГОРЕЗА И АНТИЧНОЕ ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

© 2019 г. С.И. Межерицкая

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Дата поступления статьи: об января 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-10-29

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы понимания аллегории в античности, для чего автором, с одной стороны, привлекаются и анализируются разнообразные примеры употребления этой фигуры в античном ораторском искусстве, а с другой — рассматриваются отдельные положения риторической теории по поводу аллегории и ее места в системе других стилистических фигур. Особое внимание в статье уделено эпидейктическому роду красноречия и относящимся к нему жанрам — их генезису и становлению под влиянием поэтических образцов, а также поэтике эпидейктических речей, во многом ориентированных на древнегреческую лирическую и драматическую поэзию. Среди различных случаев употребления аллегории античными ораторами в статье привлекается к рассмотрению обширный материал из речей Диона Хрисостома и Элия Аристиды, крупнейших представителей так называемой «Второй софистики» — главенствующего направления в истории позднего греческого красноречия, до сих пор недостаточно изученного в современном отечественном антиковедении.

Ключевые слова: аллегория, аллегореза, античная риторика, древнегреческое ораторское искусство, Вторая софистика, Элий Аристид, Дион Хрисостом.

Информация об авторе: Светлана Игоревна Межерицкая — кандидат филологических наук, доцент, факультет Свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mezh@mail.ru

Для цитирования: *Межерицкая С.И.* Аллегория, аллегореза и античное ораторское искусство // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 2. С. 10–29.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-10-29

ALLEGORY, ALLEGOREZA, AND ANCIENT ORATORY

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. S.I. Mezheritskaya
*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*
Received: January 06, 2019
Date of publication: June 25, 2019

Abstract: The article focuses on the problem of understanding allegory in antiquity. The author, on the one hand, gives and analyzes various examples of the use of this figure in ancient oratory, on the other, examines certain aspects of the rhetorical theory concerning allegory and its place in the system of other stylistic figures. The article pays particular attention to the epideictic kind of eloquence and related genres — their genesis and formation under the influence of poetic patterns, as well as the poetics of epideictic speeches, largely focused on Ancient Greek lyric and dramatic poetry. Among the various cases of the use of allegory by antique orators, the article draws on extensive material from the speeches of Dion Chrysostom and Aelius Aristides, the major representatives of the so-called “Second Sophistic” — the main trend in the history of the late Greek eloquence, which has not been hitherto sufficiently studied in contemporary Russian classical philology.

Keywords: allegory, allegoreza, ancient rhetoric, ancient Greek oratory, Second Sophistic, Aelius Aristides, Dion Chrysostom.

Information about the author: Svetlana I. Mezheritskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Universitetskaya embankment 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia.

E-mail: mezh@mail.ru

For citation: Mezheritskaya S.I. Allegory, Allegoreza, and Ancient Oratory. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 2, pp. 10–29. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-10-29

Проблема понимания термина «аллегория» применительно к античности требует, с одной стороны, детального изучения многочисленных и разнообразных случаев употребления этой фигуры в античных текстах, а с другой — рассмотрения вопроса об определении ее статуса в античной риторике. Сложность последнего заключается в разнообразии понимания и трактовок этого термина, которые мы находим у античных авторов, не говоря уже о том, что с развитием риторической теории место и роль аллегии в системе тропов и фигур существенно менялись. Многообразие аллегорических пассажей и текстов, а также существование отдельных аллегорических жанров (как, например, басня) в античной литературе еще более осложняет задачу всеобъемлющей характеристики этой фигуры.

Близость аллегии к метафоре, метонимии, катахрезе, антономасии и другим подобным тропам, с одной стороны, и ее сходство с такими употребительными формами иносказательной речи, как пословица, загадка, ирония, эвфемизм и т. д. — с другой, заставляет рассматривать эту фигуру в тесной связи с последними. Эта дифференциация, в свою очередь, помогает выявить специфическое значение аллегии как фигуры *мысли*, а следовательно, отнести ее к области субъективного, а точнее, к области идеологии (см.: [6, S. 5; 23, p. 153]). В этом состоит главное отличие аллегии от метафоры и других перечисленных выше тропов (не всегда до конца осознаваемое в античности), которые являются только фигурами *речи*, т. е. принадлежат «поэтической ткани» текста. Аллегория же всегда предполагает интерпретацию, подобно тому, как и любая литературная интерпретация ведет к аллегоризации, т. е. к «нашей попытке понять, что *означает* нарратив» [31, S. 213]. Таким образом, аллегория в каком-то смысле есть «ха-

рактерная черта *любого* текста, которая актуализуется различными путями в зависимости от природы взаимоотношений между текстом и читателем или между говорящим и адресатом» [23, р. 175]. Выявление и интерпретация аллегории — вопрос сугубо субъективный, инспирированный «скорее культурологически обусловленными ожиданиями, чем какой-либо личностной перспективой» [23, р. 153]. По этой причине аллегория обладает «идеологическим измерением, которое метафоре и другим лексическим тропам самим по себе не свойственно» [23, р. 175].

В античной стилистической теории аллегория в большинстве случаев рассматривается как разновидность метафоры, а точнее, как «непрерывная метафора» (*metaphora continua*) (см.: [20, S. 441 f.]). Впрочем, внимательное изучение отдельных риторических текстов показывает, что уже в античности некоторые теоретики ощущали это значимое различие между внешней формой высказывания, т. е. *означающим*, и его внутренним содержанием, или *означаемым*¹. Так, Цицерон рассматривал стиль лишь как украшение (*ornatus*) речи, являвшееся чем-то второстепенным по отношению к мысли [ср., например, его похвалу в адрес «Записок» Цезаря, которые, «как одежды, лишены всяких ораторских прикрас»² (*Cic. Brut. 75*)]. Таким образом, античные риторы видели в аллeгории не только стилистическое средство, но и некий «основополагающий способ выражения мысли, точнее идеологии, которая “переводит” ментальные структуры» [6, S. 5].

Итак, задача аллегории как риторической фигуры состоит в раскрытии «универсальных структур Космоса, которые преодолевают сферу “случайного”» [6, S. 5]. Речь здесь идет об определенном «способе понимания действительности и ее изображения, который заключается скорее в философской, нежели в лингвистической природе языка» [6, S. 5]. При этом автор либо выделяет «только собственное значение вещи, проецируя ее на вымышленную универсальную структуру, реальное содержание которой еще только предстоит выявить, либо, наоборот, исходит из предполагаемой идеально-типической реальности, с которой он соотносит и по которой он судит о конкретном описываемом явлении» [6, S. 5]. В первом случае мы имеем дело с поэтической аллeгорией, т. е. тропом, во втором — с методом аллeгорически-теологического толкования текста, или аллeгорезой. Обе

1 О дискуссии по поводу дихотомии стиля и содержания в античности см.: [23, р. 7].

2 Пер. И.П. Стрельниковой.

эти разновидности аллегории зародились и получили свое теоретическое обоснование в античности.

Употребление термина «аллегория» раньше 1 в. до н. э. не засвидетельствовано³ — впервые мы встречаем его у эпикурейца Филодема из Гадары, который, как и позднее стоик Корнут (*Ars rhet.* 85, 17. 13–16 Graev.), использует его применительно к сфере риторики (*Rhet.* 164 Sudh.). Из этого, по всей видимости, можно заключить, что ввели его в употребление именно риторы, хотя само понятие, обозначаемое этим термином, было известно грекам задолго до того под названием «гипоноя» (*υπονοεα*), «эпиноя» (*επινοεα*) или «символ» (*symbolon*) (ср.: *Plat. Respub.* II 378d; *Xen. Symp.* III 6; *Ps.-Plut. De audiend. poet.* 19 etc.) и было связано, главным образом, с философской практикой толкования древних поэтических текстов — преимущественно гомеровских поэм. Так, в схолиях к Гомеру Порфирия (8 fr. 2 DK) упоминается некий Феаген из Регия (6 в. до н. э.), который якобы положил начало аллегорической экзегезе, хотя у нас есть некоторые основания полагать, что она появилась гораздо раньше, еще у пифагорейцев (см.: [28, p. 95–98; 14, p. 65–67; 18, p. 32]). Метод аллегорической интерпретации текстов возник в философских кругах как попытка постичь скрытый смысл высказывания, который может быть не всегда выражен прямо, а потому нуждается в дополнительном выявлении и прояснении (см.: [23, p. 177–188, 189–216, 217–234; 19; 10; 24, S. 475 f.]). Во многом этому способствовали разрабатываемые стоиками философские концепции происхождения и развития языка [23, p. 172]. Известно также, что стоик Псевдо-Гераклит (I в. н. э.) осуществил риторический, поэтический и герменевтический анализ обеих поэм Гомера, стремясь защитить поэта от упреков в антирелигиозном изображении мира и трактуя многие из мест поэм аллегорически, т. е. иносказательно. Он находил у Гомера множество аллегорий как скрытых, так и явных [4, S. 335]. Подобный опыт аллегорической интерпретации текстов был использован затем в библейской экзегетике [12; 13; 15, Sp. 283–293; 2; 1; 3]. При таком подходе «канонизированный текст не может просто подвергаться критическому разбору или даже исправлению, а нуждается для сохранения своего значения в новом прочтении. Это достигается в результате аллегорического перевода буквального смысла в область иного смысла, т. е.

3 Об истории этого термина в античности подробно см.: [33, p. 263–268].

в смысл духовный» [6, С. 5–6]. В дальнейшем, начиная с Августина, поиск и выражение «духовного» смысла высказывания наряду с его буквальным значением становится краеугольным камнем раннехристианской экзегетики. В средневековой литературе аллегореза не только остается основополагающим методом интерпретации текста [21; 9; 17; 7, С. 80–135; 25; 22], но и превращается в самостоятельную поэтическую форму, отличие которой от рассмотренной выше состоит в том, что здесь интерпретируется уже не «канонический» текст (как в аллегорезе Гомера или Библии), а текст «ново-созданный», который изначально пишется автором в расчете на его последующую интерпретацию читателем.

История аллегории как риторического приема начинается в античности с эпохи софистики, а именно с Горгия, который впервые, согласно Суде (VS 82[76]2), предпринял попытку систематизировать фигуры речи и обосновать их применение в ораторском искусстве. В последующей античной риторической теории аллегория рассматривалась в ряду таких тропов, как метафора, метонимия, антономазия, катахреза и т. д. общим свойством которых является использование слов не в прямом, а в переносном значении (см., в частности: Dem. Phaler. De elocut. II 99–102, 151, 243; Cic. Orat. 27; De orat. III 41; Rhet. ad Heren. IV 34; Ps.-Plut. De audiend. poet. 19; Hermog. De id. 246). Так, Деметрий Фалерский (ок. 360 – ок. 280 гг. до н. э.) называет аллерию «вуалью», или «покрывалом», скрывающим истинное значение слов, и сравнивает ее с ночным мраком, с которым у людей обычно связаны представления об Элевсинских мистериях (Dem. Phaler. De elocut. 99–102). Анонимный автор «Риторики к Гереннию» (I в. до н. э.) характеризует аллерию как «речь, словами обозначающую одно, а по смыслу – другое» (*oratio aliud verbis aliud sententia demonstrans*) (Rhet. ad Heren. IV 34). Таким образом, в основе аллегории лежит *изменение* (*permutatio*) значения слов, основанное либо на сходстве (*similitudo*) вещей, либо на их противопоставлении (*contrarium*), т. е. когда говорят противоположное тому, что имеют в виду. Исходя из обоих семантических образцов – сходства и противопоставления – можно понять то общее, что есть у аллегории с другими иносказательными формами речи, т. е. с метафорой, пословицей, загадкой, с одной стороны, и с иронией, сарказмом или эвфемизмом – с другой. Как все тропы, аллегория «требует скачка мысли, переноса смысла (*translatio*) с понятия, о котором идет речь, т. е.

«означающего» (*significans*), на понятие, которое подразумевается, т. е. «означаемое» (*significatum*)» [4, S. 330].

Цицерон в своем трактате «Об ораторе», не используя самого этого термина, характеризует аллгорию как прием, «при котором говорится одно, а подразумевать следует иное» (*aliud dicatur, aliud itellegendum*) (Cic. De Orat. III 41). Однако, отмечая сходство аллгории с метафорой и говоря, что «слова, присущие одному предмету, переносятся здесь на другой, схожий предмет, точь-в-точь как при *простом* переносе»⁴, Цицерон указывает и на их глубинное различие, не всегда и не всеми риториками проводившееся столь ясно и отчетливо: «При употреблении *отдельных* слов больше всего яркости и блеска сообщают речи переносные выражения, а из переносных выражений и уже *не по отдельности*, а из *нескольких подряд* складывается, в свою очередь, следующий прием такого рода» (Ibid.), т. е. аллгория, и далее: «способ этот относится уже не к *единичным* словам, а ко *всей* речи, то есть к *последовательному ряду слов*» (Ibid. 42). Подобную же характеристику аллгории Цицерон дает в «Ораторе»: «Когда же следует подряд много метафор, то речь явно становится иносказательной: поэтому греки называют такой прием “аллгория”...» (Cic. Orat. 27). Таким образом, Цицерон формулирует важнейшее отличительное свойство аллгории как приема, распространяющегося на всю фразу, а иногда и на целый пассаж или даже текст, как в известном стихотворении Горация (см. ниже).

Наиболее детальной проработке теория аллгории подверглась у Квинтилиана, который, рассматривая аллгорию как троп, выявлял в ней общую для всех тропов природу, заключающуюся в «выразительной *перемене* (*immutatio*) или искусном *переносе* (*translatio*) слова или речи от собственного значения на другое»⁵ (Quint. VIII 6, 1). Собственно аллгорию Квинтилиан определяет как «перевертывание» (*inversion*), которое «словами означает одно, а по смыслу — либо иное, либо противоположное» (*aut aliud verbis aliud sensu ostendit, aut etiam interim contrarium*) (Ibid. 6, 44). В качестве хрестоматийного примера аллгории он приводит стихотворение Горация⁶, в котором государство, погруженное в бедствия гражданской войны, изображается в виде корабля, плывущего по бурному морю.

4 Здесь и далее пер. Ф.А. Петровского.

5 Здесь и далее пер. А. Никольского.

6 O navis, referent in mare te novi... (см.: Hor. Od. I 14)

Квинтилиан различал два основных типа аллегории: «полную», или чистую аллeгорию (*tota allegoria*), — не всегда ясную вследствие различия между словами и значением, и «смешанную» аллeгорию, когда к словам, употребленным в переносном значении, примешиваются слова, употребленные в своем прямом, собственном значении (*apertis permixta allegoria*) (Ibid. 6, 47). Примером первой, по Квинтилиану, является следующий пассаж у Цицерона: «Удивляюсь и болезную вместе, что человек так склонен злословить подобного себе, что даже не пожалеет для сего разбить корабль, на котором сам плавает» (Cic. Pro Mil. 5). В качестве примера смешанной аллeгии Квинтилиан приводит другое место из той же речи: «Что касается до других непогод и бурь, я всегда думал, что Милону бояться их надлежало только на сем мятежном море и в волнениях народного собрания». «Если бы не прибавил Цицерон волнений народного собрания, — говорит Квинтилиан далее, — была бы аллeгория чистая: он смешал ее». Аллeгориями, согласно Квинтилиану, можно считать и пословицы (*exemplum*), если они употребляются без необходимого объяснения — как, например, разбиравшееся еще Деметрием Фалерским (*Dem. Phaler. De elocut. 102*) выражение «Дионисий в Коринфе», которое значит, что любой тиран может быть низложен и оказаться в изгнании. Другим примером аллeгии служит загадка (*aenigma*), которая делает речь «темной», т. е. неясной (Quint. VIII 6, 52–53). Здесь Квинтилиан следует за Аристотелем, который в своей теории метафоры, еще не зная термина «аллeгория» и не останавливаясь на этом понятии специально (см.: [32, S. 27; 16, S. 38 f.]), тем не менее касается вскользь его природы, замечая по поводу пословиц и загадок, что они «говорят не то, что в них сказано» (Aristot. Rhet. 1412a) и представляют собой совокупность отдельных метафор (Aristot. Rhet. 1413a; 1405a; Poet. 1458a). К числу выражений аллeгорических Квинтилиан также относит эвфемизмы, иронию и сарказм, которые используются тогда, когда говорящий или желает смягчить свою мысль, или в целях усиления эффекта говорит противоположное (*contrarium*) тому, что подразумевает (Quint. VIII 6, 54–57; IX 2, 44–46). Рассматривая аллeгорию как «непрерывную метафору», Квинтилиан, как и Цицерон, видит ее отличие от последней в количественном соотношении: «Но как умеренное и уместное употребление сего тропа делает слововыражение ясным, так излишний набор подобных иносказаний произ-

водит в нем темноту и утруждает внимание слушателя, а продолженный далее меры превращает речь в аллегория и загадку» (Quint. VIII 6, 14).

После Квинтилиана в античной риторической теории можно насчитать еще около 200 различных описаний аллегории, большинство из которых представляют собой вариации уже рассмотренных нами выше⁷. Однако среди всех определений, данных аллегории различными риториками, мнение Квинтилиана чаще всего цитировалось, анализировалось и признавалось во все времена наиболее авторитетным.

Таким образом, в сфере риторики на переносе понятия в образ жидется поэтическая амплификация, являющаяся одним из средств усиления поэтической выразительности. Подобно другим тропам, аллегория рекомендовалась античными риториками как средство украшения речи, а также как способ придать ей убедительность (Rhet. ad Heren. IV 34; Cic. De orat. III 42; Quint. VIII 6, 49 etc.). Так, для достижения «наибольшей выразительности» высказывания советовал использовать аллегория Деметрий Фалерский: «Есть известная выразительность и в аллегории, и особенно при изречении угроз, подобных Дионисиевой: *“цикады будут петь у них с земли”*»⁸. Если бы Дионисий просто сказал, что опустошит Локриду, он показался бы более раздраженным и менее величественным. Но он замаскировал эти слова, воспользовавшись в данном случае аллегорией; ведь любой намек способен напугать гораздо сильнее, и один понимает по ним одно, а другой — другое. А к тому, что сказано ясно и понятно, обычно относятся с пренебрежением, как к людям, совлекшим с себя одежды. <...> Так и аллегорически сказанное *“цикады будут петь с земли”* — более выразительно, чем если просто сказать *“ваши деревья будут вырублены”*»⁹ (Dem. Phaler. De elocut. 99–102; 243). Кроме того, Деметрий говорит, что аллегория делает речь «возвышенной», приводя в качестве примера различные цитаты из комедий Софрона — в частности, ту, где речь идет о скорой смерти, ожидающей стариков¹⁰: «Ныне и я, находящийся среди вас, подобных мне цветом волос, готовлюсь покинуть гавань, дожидаясь лишь попутного ветра; ибо людям столь преклонного возраста подобает

7 О некоторых из них см.: [4, S. 336 f.].

8 Согласно Аристотелю (Aristot. Rhet. 1395a; 1412a), это выражение принадлежало Стесихору.

9 Здесь и далее пер. автора статьи.

10 См.: CGF Sophron. Fr. 52 Kaibel.

уже поднять якоря» (Ibid. 151). В свою очередь и Квинтилиан говорит о том, что «ничто так не украшает речи, как подобие [сравнение], аллегория и метафора, вместе соединенные» (Quint. VIII 6, 49), и в подтверждение своих слов ссылается на пример из Цицерона: «Какой пролив моря, какой Еврип, думаете вы, имеет столько разных движений, столько перемен, столько порывов, сколько непостоянства, смятения и противоречий находится в народных собраниях? Часто один день и одна ночь всему дает иной вид; иногда самый легкий ветер, дуновение молвы, все умы ниспровергает» (Pro Mur. 35).

Если одни риторы признавали за аллегорией известную способность придать речи гораздо большую выразительность и убедительность, хотя и предостерегали от чрезмерного увлечения этой фигурой из-за угрозы «темноты» и нарушения риторической ясности (Cic. Orat. 39–41; Quint. VIII 6 etc.), то другие, напротив, видели в аллегории излишнюю словесную вычурность и высокопарность. Так, автор трактата «О возвышенном», в целом отдавая должное величественности батальных сцен у Гомера, которые он предлагает понимать не иначе, как аллегорически (Ps.-Longin. Subl. 9, 5–8), в то же самое время упрекает Платона в «словесном неистовстве» и «иносказательной напыщенности», подразумевая при этом его любовь к аллегориям (Ibid. 32, 7–8).

В древнегреческом ораторском искусстве аллегория наряду с другими упоминавшимися выше видами тропов широко употреблялась начиная с классической эпохи (V–IV вв. до н. э.) — главным образом, в речах эпидейктического жанра, который обнаруживает много общего с поэзией как в самой тематике речей, так и в арсенале используемых в них риторических средств (см.: [11, р. 166–194]). Это связано прежде всего с сознательной ориентацией ранних представителей этого рода красноречия (Горгия, Исократ и др.) на поэтов с целью оказать более сильное воздействие на своих слушателей и доставить им наивысшее удовольствие. Так, о речах эпидейктического жанра Исократ говорит, что «они более похожи на поэтические или мусические произведения», чем речи судебные или совещательные, ибо «излагают предмет речи языком более поэтическим и украшенным, стремятся использовать более возвышенные и неизбитые мысли; кроме того, они пользуются многочисленными риторическими фигурами, наиболее выразительными. В результате все слушатели испытывают наслаждение

ничуть не меньшее, чем от поэтических произведений...»¹¹ (Isocr. Antidos. 46–47). Глубинное понимание античными авторами тесной связи, существующей между эпидейктическим красноречием и поэзией, прослеживается на протяжении всей истории этого рода ораторского искусства (см.: Dionys. Hal. De comp. verb. 25 sq.; Cic. Orat. 20, 66 sq.; De or. I 16, 70; III 7, 27; Quint. X 2, 21 etc.), однако особой остроты и значимости оно достигает в начальный (V–IV вв. до н. э.) и завершающий (II–IV вв. н. э.) периоды его развития.

Это касается не только широкой палитры стилистических средств, ронящих эпидейктическое красноречие с поэзией, но и всего того разнообразия тем, топосов и жанров, которое мы обнаруживаем в речах античных ораторов. Например, ритор Менандр Лаодикейский (III в. н. э.), автор трактата «Об эпидейктическом красноречии», насчитывает около 30 различных видов речей, относящихся к этому жанру, большая часть которых представляет собой адаптированные позднее к прозе древнейшие поэтические жанры: гимны, энкомии, эпитафии, монодии и т. п. Например, в отношении монодий Менандр прямо говорит, что образцами подобных речей должны служить для оратора жалобы Андромахи, Приама и Гекубы в поэмах Гомера (Rhet. Graec. Sp. III 315). Энкомий как лицам, так и в особенности городам — один из самых распространенных жанров в позднеантичном ораторском искусстве — развился под влиянием классических образцов лирической и драматической поэзии (см.: [11, р. 170–171]). Так, в драмах Софокла и Еврипида (Soph. OC. 666–720; Eurip. Hec. 905 sq.; Medea 824 sq.), с одной стороны, и в одах Пиндара — с другой, можно найти многочисленные похвалы областям и городам (Аттике, Трое, Афинам и т. д.), которые, по всей видимости, послужили отправной точкой для последующего формирования риторического жанра энкомия городу. Прозаический энкомий лицу, встречающийся, помимо его основной формы — так называемой «царской» речи (*basilikos logos*) — в различных других видах эпидейктических речей (приветственных, поздравительных, надгробных и пр.), также восходит к древнегреческим трагедиям¹² (ср., например, похвалу царю Теламону в «Троянках» Еврипида (Eurip. Troad. 800 sq.)) и одам Пиндара, прославляющим победителей в спортивных состязаниях, их происхождение, деяния, доблесть и т. п.

¹¹ Пер. В. Боруховича.

¹² Ср., в частности, краткое упоминание об этом у Исократ в панегирике Эвагору (Isocr. Euag. 6).

В позднеантичном эпидейктическом красноречии, которое достигло своего расцвета на востоке Римской империи во II в. н. э. и вошло в историю античного ораторского искусства под именем «Второй софистики»¹³, ориентация на поэзию в выборе тем и риторических средств становится важнейшим принципом, определяющим поэтику ораторских речей. Аллегория, наряду с метафорой, сравнением и аналогией, а часто и соединение этих тропов, ведущее к поэтической амплификации, способствующей усилению выразительности речи, пользуются у ораторов большой популярностью. И хотя большинство этих образов и приемов неоригинальны и заимствованы из древнегреческой лирической поэзии [29, vol. 1, p. 416–417], тем не менее они отличаются большим разнообразием. Таков, например, прием «нанизывания метафор», ведущий к персонификации восхваляемого объекта — например, города или храма, и способствующий аллегоризации речи. Многочисленные примеры этого приема мы находим в монодиях Элия Аристида (II в. н. э.). Особенно часто он используется в начале и в конце речи, усиливая тем самым выразительность высказывания и позволяя наиболее полно раскрыть сам образ, например: «О день заупокойных жертв для всех единоплеменников, о роковой день для всех эллинов! Ты обезглавил целый род, ты лишил его глаза!»¹⁴ или: «О Мелес, текущий через пустыню! О погребальные плачи, сменившие прежние радостные песнопения! О песнь лебедей и хор соловьев, настал ваш черед!» (Aristid. XVII 8–9 K). Речь здесь идет о разрушении малоазийского города Смирны во время землетрясения 177/178 г. н. э. И далее о самой Смирне говорится так: «О украшение Вселенной, театр Эллады, одяние Нимф и Харит!» (Ibid.) Другим примером могут служить слова Аристида об Афинах в заключительной части «Панафинейской речи»: «Прежде я с восхищением внимал словам о Пританее мудрости, об очаге и опоре Эллады...» (I 401 K). Ср., например, с подобным приемом у Пиндара: «Но воскликнем мы ныне о Фероне, / Ибо победоносна была его четверня. / Он милостив к странствующим, / Он оплот Акраганта, / Он цвет от корня достопроставленных предков...»¹⁵ (Pind. Ol. II, 5–7) или: «Вздых державный Алфея, / Ветвь прославленных Сиракуз, / Ортигия, / колыбель Артемиды, сестра Делоса» (Pind. Nem. I 1–4). Прием «нанизывания ме-

13 О Второй софистике см.: [8; 30; 5; 26; 27].

14 Здесь и далее пер. автора статьи.

15 Пер. М. Гаспарова.

тафор» широко пользуются и другие ораторы. Например, Дион Хрисостом (II в. н. э.) аллегорически говорит о законе: «Он утешитель старости, учитель молодежи, помощник бедности, страж богатства, союзник мира, противник войны»¹⁶ (LXXV 9); Лукиан называет Тимона «великим покровителем рода своего, опорой Афин, защитой Эллады»¹⁷ (Lucian. Timon. 50) и т. д.

Наиболее популярны у авторов Второй софистики образы, заимствованные из сферы лирической и драматической поэзии, ораторского искусства, спортивных состязаний, медицины, религии, мореплавания и т. д. (см. об этом подробнее: [29, p. 418.]). Так, в «Надгробной речи Этеонею» Аристид аллегорически выражает всеобщее горе по поводу кончины этого юного оратора, вызывая в памяти читателей представление о ритуальных плачах по умершим, многочисленные образцы которых дает лирическая поэзия:

Какой Симонид сложит об этом траурный плач? Какой Пиндар и какую мелодию или слово найдет для такого случая? Какой хор исполнит песнь, достойную такого несчастья? (XXXI 2 K)

О Этеоней, ты вызываешь больше жалости, чем новобрачный, охваченный погребальным огнем, ибо ты достоин победных венков, а не надгробного плача! Какое же безвременье постигло тебя в самом расцвете лет, если прежде, чем пришло время спеть тебе свадебный гимн, ты заставил нас петь погребальную песнь! (Ibid. 12)

В «Элевсинской речи» Аристида мы видим тот же способ выражения, использованный по отношению к неодушевленному предмету — элевсинскому храму, что ведет к неизбежной персонификации объекта — приему, широко распространенному в эпидейктических речах того времени, главным образом в похвалах городам:

О Элевсин, лучше бы мне было воспеть тебя в прежнее время! Какому Орфею или Тамириду, какому элевсинцу Мусею под силу такое дело?! На каких кифарах или лирах оплачут они дорогие всем руины, общее сокровище земли?! (XXII 1 K)

16 Пер. автора статьи.

17 Пер. Б. Казанского.

Часто встречаются у Аристида и аллегории, построенные на образах, взятых из сферы театра и драматической поэзии, например:

Явив нам пролог своей жизни, ты ушел, вызвав тем больше печали, чем больше радости доставил (XXXI 12 К).

О божество трагедии, еще так недавно являвшее нам полные залы, выступления, состязания и радость! Сколь быстрым и далеким от всего этого оказался конец драмы! (Ibid. 13)

Но всем нам подобает признать, что более всего повезло тому, кто прожил отпущенный ему срок наилучшим образом и, подобно поэту, завершил пьесу, пока ее еще хотят слушать и смотреть зрители (Ibid. 17).

Одним из центральных образов в аллегориях, связанных с темой театра, являются образы хора и корифея хора, символизирующие порядок и гармонию (ср.: Aristid. XXXVII 8, 21, 22; XXXVIII 23; XLI 6, 8; XLIII 24; XXVI 32, 87; XLII 14; I 11, XLIV 12 К). Приведем пример такой аллегии из речи Аристида, которая в данном контексте обозначает счастливую судьбу ритора Александра в загробном мире:

<...> Теперь сего ритора наверняка окружают хоры поэтов под предводительством Гомера, простирающих к нему правую руку, хоры логографов, историков и других великих, и каждый из них зовет Александра и предлагает ему место подле себя. Они украшают его голову лентой и венком — разумеется, не после суда над ним и состязания в мастерстве с другими риторами, но при всеобщем шумном одобрении. И я думаю, что еще долго в Аиде не появится человек, способный оспорить эту честь у Александра, и он вечно будет восседать на своем троне лучшего глашатая и предводителя эллинов (XXII 34 К).

Отдельного внимания заслуживают в речах позднейших софистов аллегии из области медицины, в которых государство и общество уподобляются человеческому организму с его болезнями и возможностью исцеления под надзором искусного врача. Так, в речи Аристида «К Риму» под скрытым в аллегии образом врача подразумевается римский император, выступающий как мудрый и заботливый правитель:

Таким образом, весь населенный мир, как во время праздника, отложил в сторону оружие — бремя прошлого — и добровольно обратился к красоте и радости. Всякое иное соперничество среди городов прекратилось, и все они соревнуются только в одном: чтобы каждый из них являлся самым красивым и гостеприимным. Все они изобилуют гимназиями, водоемами, пропилеями, храмами, мастерскими, училищами. Так что с полным правом можно сказать, что весь населенный мир вернулся к здоровью после долгой болезни (XXVI 97).

В аллегории, использованной Дионом Хрисостомом в речи «О состязаниях», в качестве такого врача и прежде всего — целителя душ предстает кинический философ Диоген, исправляющий человеческие пороки:

Диоген же, я думаю, хотел поглядеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержаны из страха перед опасностью. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче всего поддаться лечению — ведь и телесные болезни, когда они ясно проявляются, врачам легче исцелить, чем пока они еще скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают¹⁸ (IX 2).

Наряду с простыми аллегориями, примерами которых служит большинство приведенных выше цитат из античных ораторов, в речах эпидейктического жанра можно встретить и более сложные аллегорические пассажи, в которых присутствуют и метафоры, и сравнения — как в следующем случае у Аристида, где говорится о римском императоре:

Так и он, судья и правитель одновременно, поступает только по справедливости, подобно ветру в парусах корабля, который не дует богатому больше, чем бедному, но одинаково сопутствует каждому (XXVI 39 К).

Другим примером такого рода аллегории является пассаж из «Олимпийской речи» Диона Хрисостома, в котором употреблено сразу несколько

18 Пер. М. Грабарь-Пассек.

метафор: это образы «мистерий (таинств)», «хоровода (хора)», «корифея», «корабля», «кормчего», а кроме того, две антитезы и два сравнения:

Может быть, это немисливо, чтобы человеческий род весь сообща принимал посвящение в самый полный чин воистину совершенного таинства, причем не в тесном здании, выстроенном афинянами для кучки людей, но вот в этом мирозданье — многоцветной и хитроумной храмине, где несчетные чудеса сменяют одно другое и где не люди, подобные самим посвященным, но бессмертные боги днем и ночью, при свете солнца и сиянии звезд, посвящают смертных в таинства, точь-в-точь ведут вокруг них свой вечный хоровод, — может быть, невероятно, чтобы ничто из этого не затронуло ни чувства, ни мысли человека? И это несмотря на то, что корифей хора печется о Вселенной и направляет все огромное небо и все мирозданье, словно мудрый кормчий, правящий кораблем, прекрасно оснащенным и ни в чем не имеющим недостатка! (XII 34)

Итак, говоря о проблеме понимания аллегории в античности следует различать два его способа, и по сей день являющихся основополагающими при определении значения этого термина. В первом случае речь идет об «иллюстрирующей», или «продуктивной» аллегории, во втором — об аллегории «интерпретирующей» (см. об этом: [7, S. 85–87]). Первый тип аллегории понимается как *способ создания* отдельного образа или даже целого текста, который, независимо от того, какой смысл вкладывает в них автор¹⁹, предполагает определенную их интерпретацию адресатом, выходящую за рамки чисто «литературного», т. е. лежащего на поверхности значения сказанного. Рассмотренные нами случаи употребления аллегории как стилистического приема в речах античных ораторов, а также то теоретическое обоснование, которое эта фигура получила в трудах древнегреческих и римских риторов, соответствуют именно такому пониманию аллегории. Второй тип аллегории следует понимать как *метод интерпретации* текста, направленный на выявление его скрытого смысла, таким образом, функция аллегории трактуется здесь значительно шире, чем в первом случае. Примерами такого понимания аллегории является гомеровская и библейская

¹⁹ Речь идет о необходимости различения аллегорических текстов в «сильном» и «слабом» смысле (см. об этом: [31, S. 213]).

аллегореза, составлявшая отдельную область философско-филологического знания в античности и заложившая основы позднейшей религиозно-богословской экзегетики и герменевтики.

Список литературы

- 1 *Нестерова О.Е.* Allegoria pro typologica: Ориген и судьба иносказательных методов интерпретации Священного Писания в раннепатристическую эпоху. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 298 с.
- 2 Раннехристианская и византийская экзегетика. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 248 с.
- 3 *Савреј В.Я.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: Изд-во МГУ, 2005. 232 с.
- 4 Allegorie // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hrsg. G. Ueding. Bd. 1. Tübingen: Niemeyer, 1992. S. 330–393.
- 5 *Anderson G.* The Second sophistic. A cultural phenomenon in the Roman Empire. London: Routledge, 1993. 303 p.
- 6 *Blank W.* Zur Rhetorik der Allegorie als “uneigentlich Aussage” // Texttyp, Sprechergruppe, Kommunikationsbereich. Studien zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Hugo Steger zum 65 Geburtstag. Hrsg. v. H. Löffler, K. Jakob u. B. Kelle. Berlin, 1994. S. 3–16.
- 7 *Bondarko N.A.* Baumgarten und Palmbaum in ihrer Funktion für den Aufbau deutscher geistlicher Prosatexte des 13. Jahrhunderts // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Heft 122. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 80–135.
- 8 *Bowersock G.W.* Greek sophists in the Roman Empire. Oxford: the Clarendon Press, 1969. 140 p.
- 9 *Brinkmann H.* Mittelalterliche Hermeneutik. Tübingen: Niemeyer, 1980. 439 S.
- 10 *Buffière F.* Les mythes d’Homère et la pensée grecque. Paris: Les Belles Lettres, 1956. 677 p.
- 11 *Burgess T.* Epideictic literature. Chicago: The University of Chicago press, 1902. 173 p.
- 12 *Christiansen H.* Die Technik der allegorischen Auslegungswissenschaft bei Philon von Alexandrien. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1969. 191 S.
- 13 *Dawson D.* Allegorical readers and cultural revision in ancient Alexandria. Berkeley: University of California Press, 1992. 341 p.
- 14 *Détienne M.* Homère, Hésiode et Pythagore. Poésie et philosophie dans pythagorisme ancient. Bruxelles: Latomus, revue d’études latines, 1962. 116 p.
- 15 *Joosen J.C., Waszink J.H.* “Allegorese” // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. I. Stuttgart: Hiersemann, 1950. S. 283–293.
- 16 *Eisenhut W.* Einführung in die antike Rhetorik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. 107 S.

- 17 *Freytag H.* Die Theorie der allegorischen Schriftdeutung und die Allegorie in deutschen Texten besonders 11. Und 12. Jahrhunderts. Berlin; München: Francke, 1982. 312 S.
- 18 *Lamberton R.* Homer the theologian. Neoplatonist allegorical reading and the growth of the epic tradition. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1986. 363 p.
- 19 *Lamberton R., Keaney J.J.* Homer's ancient readers: The hermeneutics of Greek epic's earliest exegetes. Princeton: Princeton University Press, 1992. 228 p.
- 20 *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Stuttgart: Steiner, 1990. 983 S.
- 21 *Lubac de H.* Exégèse médiévale. 3 vols. Paris: Aubier, 1959–1964.
- 22 *Meier C.* Zwei Modelle der Allegorie im 12. Jahrhundert // Formen und Funktionen der Allegorie. Hg. v. W. Haug. Stuttgart: Metzler, 1979. S. 70–89.
- 23 Metaphor, allegory and the classical tradition. Ed. G.R. Boys-Stones. Oxford: Oxford University Press, 2003. 305 p.
- 24 *Michel P.* Alieniloquium. Elemente einer Grammatik der Bildrede. Bern; Frankfurt-am-Main; New-York; Paris: Bern Lang cop., 1987. 654 S.
- 25 *Otto S.* Die Funktion des Bildbegriffes in der Theologie des 12. Jahrhunderts. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1963. xxxi, 315 S.
- 26 Paideia: The world of the Second Sophistic. Ed. by B. E. Borg. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. 494 p.
- 27 The Second sophistic. Ed. by T. Whitmarsh. Oxford: Oxford University Press, 2005. 106 p.
- 28 *Pépin J.* Mythe et allégorie. Les origines grecques et les contestations judéo-chrétiennes. Paris: Études augustiniennes, 1958. 522 p.
- 29 *Pernot L.* La rhétorique de l'éloge dans le monde Gréco-Romain. Paris: Institut d'études augustiniennes, 1993. T. I. 490 p.
- 30 *Russel D.A.* Greek declamation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 141 p.
- 31 *Richardson N.J.* Homeric professors in the age of the sophists // Ancient literary criticism. Ed. by A. Laird. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 62–86.
- 32 *Ueding G., Steinbrink B.* Grundriss der Rhetorik. Stuttgart, 1986. 372 S.
- 33 *Whitman J.* Allegory. The dynamic of an ancient and medieval technique. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 296 p.

References

- 1 Nesterova O.E. *Allegoria pro typoloigica: Origen i sudba inoskazatelnyh metodov interpretatsii Sviash'ennogo Pisania v rannepatristicheskuu epocu* [Allegoria pro typoloigica: Origen and the fate of the allegorical methods of interpreting the Holy Scriptures in the early patristic era]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 298 p. (In Russ.)
- 2 *Rannechristianskaia i vizantiiskaia ekzegetika* [Early Christian and Byzantine exegesis]. Moscow, IWL, 2008. 248 p. (In Russ.)

- 3 Savrei V.J. *Aleksandriiskaia shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoi mysli* [Alexandrian school in the history of philosophical and theological thought]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 2005. 232 p. (In Russ.)
- 4 Allegorie. *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Hrsg. G. Ueding. Bd. I. Tübingen, Niemeyer, 1992. S. 330–393. (In German)
- 5 Anderson G. *The Second sophistic. A cultural phenomenon in the Roman Empire*. London, Routledge, 1993. 303 p. (In English)
- 6 Blank W. Zur Rhetorik der Allegorie als “uneigentlich Aussage”. *Texttyp, Sprechergruppe, Kommunikationsbereich. Studien zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Hugo Steger zum 65 Geburtstag*. Hrsg. v. H. Löffter, K. Jakob u. B. Kelle. Berlin, 1994. S. 3–16. (In German)
- 7 Bondarko N.A. Baumgarten und Palmbaum in ihrer Funktion für den Aufbau deutscher geistlicher Prosatexte des 13. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. Heft 122. Stuttgart; Weimar, Metzler, 2001. S. 80–135. (In German)
- 8 Bowersock G.W. *Greek sophists in the Roman Empire*. Oxford, the Clarendon Press, 1969. 140 p. (In English)
- 9 Brinkmann H. *Mittelalterliche Hermeneutik*. Tübingen, Niemeyer, 1980. 439 S. (In German)
- 10 Buffière F. *Les mythes d' Homère et la pensée grecque*. Paris, Les Belles Lettres, 1956. 677 p. (In French)
- 11 Burgess T. *Epideictic literature*. Chicago, The University of Chicago press, 1902. 173 p. (In English)
- 12 Christiansen H. *Die Technik der allegorischen Auslegungswissenschaft bei Philon von Alexandrien*. Tübingen, J.C.B. Mohr, 1969. 191 S. (In German)
- 13 Dawson D. *Allegorical readers and cultural revision in ancient Alexandria*. Berkeley, University of California Press, 1992. 341 p. (In English)
- 14 Détienne M. *Homère, Hésiode et Pythagore. Poésie et philosophie dans pythagorisme ancient*. Bruxelles, Latomus, revue d'études latines, 1962. 116 p. (In French)
- 15 Joosen J.C., Waszink J.H. “Allegorese”. *Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. I. Stuttgart, Hiersemann, 1950. S. 283–293. (In German)
- 16 Eisenhut W. *Einführung in die antike Rhetorik*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. 107 S. (In German)
- 17 Freytag H. *Die Theorie der allegorischen Schriftdeutung und die Allegorie in deutschen Texten besonders 11. Und 12. Jahrhunderts*. Berlin; München, Francke, 1982. 312 S. (In German)
- 18 Lamberton R. *Homer the theologian. Neoplatonist allegorical reading and the growth of the epic tradition*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 1986. 363 p. (In English)
- 19 Lamberton R., Keany J.J. *Homer's ancient readers: The hermeneutics of Greek epic's earliest exegetes*. Princeton, Princeton University Press, 1992. 228 p. (In English)

- 20 Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. Stuttgart, Steiner, 1990. 983 S. (In German)
- 21 Lubac de H. *Exégèse médiévale*. 3 vols. Paris, Aubier, 1959–1964. (In French)
- 22 Meier C. Zwei Modelle der Allegorie im 12. Jahrhundert. *Formen und Funktionen der Allegorie*. Hg. v. W. Haug. Stuttgart, Metzler, 1979. S. 70–89. (In German)
- 23 *Metaphor, allegory and the classical tradition*, ed. G.R. Boys-Stones. Oxford, Oxford University Press, 2003. 305 p. (In English)
- 24 Michel P. *Alieniloquium. Elemente einer Grammatik der Bildrede*. Bern; Frankfurt-am-Main; New-York; Paris, Bern Lang cop., 1987. 654 S. (In German)
- 25 Otto S. *Die Funktion des Bildbegriffes in der Theologie des 12. Jahrhunderts*. Münster, Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1963. xxxi, 315 S. (In German)
- 26 *Paideia: The world of the Second Sophistic*, ed. by B. E. Borg. Berlin; New York, De Gruyter, 2004. 494 p. (In English)
- 27 *The Second sophistic*, ed. by T. Whitmarsh. Oxford, Oxford University Press, 2005. 106 p. (In English)
- 28 Pépin J. *Mythe et allégorie. Les origines grecques et les contestations judéo-chrétiennes*. Paris, Études augustiniennes, 1958. 522 p. (In French)
- 29 Pernot L. *La rhétorique de l'éloge dans le monde Gréco-Romain*. Paris, Institut d'études augustiniennes, 1993. T. I. 490 p. (In French)
- 30 Russel D.A. *Greek declamation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 141 p. (In English)
- 31 Richardson N.J. Homeric professors in the age of the sophists. *Ancient literary criticism*, ed. by A. Laird. Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 62–86. (In English)
- 32 Ueding G., Steinbrink B. *Grundriss der Rhetorik*. Stuttgart, 1986. 372 S. (In German)
- 33 Whitman J. *Allegory. The dynamic of an ancient and medieval technique*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1987. 296 p. (In English)